

— Хорошо, — Цинь Янь развернулся и уже собрался уходить, но вдруг что-то вспомнил. Обернувшись к Фу Цзинмо, он спросил: — Босс, вы сегодня заглядывали в интернет?

— Вы знаете, что госпожа Сун устроила в сети настоящий фурор?

— Утром куча рекламных аккаунтов распространяла слухи, будто она крутит романы с целой толпой мужчин, якобы видели, как она обедала с ними за одним столом. Но не успели эти сплетни провисеть в топах, как все посты в один миг исчезли...

— А самое драматичное в том, что те люди, с которыми обедала госпожа Сун — на самом деле сотрудники Исследовательского института Гуаньюэ. Они приходили пригласить ее к себе на работу!

— Госпожа Сун просто невероятна! В этот институт попасть не так-то просто, туда принимают только гениев со всего мира...

— Даже ваш двоюродный племянник не прошел отбор!

Чем больше говорил Цинь Янь, тем больше восхищения светилось в его глазах, словно Сун Цзюя была для него недостижимым божеством.

— Все вечно смеются над тем, что госпожа Сун приехала из деревни, но мне кажется, она совсем не проста. С первого взгляда на нее я понял, что в ней чувствуется особая стать...

Цинь Янь замолчал на полуслове. Он почувствовал, что взгляд Фу Цзинмо стал тяжелым и мрачным, словно у призрака, пришедшего по его душу. Ему даже показалось, что если он продолжит, то в следующую секунду его разорвут на куски.

Цинь Янь осознал, что сболтнул лишнего.

— Я, я, я сейчас же пойду готовить материалы к сегодняшнему совещанию!

Сказав это, он пулей вылетел из кабинета президента, не забыв при этом осторожно прикрыть за собой дверь.

Фу Цзинмо опустил веки. Кончик его пальца скользнул по бумаге, край документа оказался слишком острым и оставил на коже тонкий кровавый след. Однако выражение его лица не изменилось, лишь в глубине глаз промелькнуло нечто многозначительное.

Сун Цзюя...

Эта его невеста действительно оказалась непростой штучкой.

Семья Сун.

Сун Хэи сидела в своей комнате, до боли сжимая простыни, пытаясь выплеснуть обуревающую ее ненависть.

До возвращения Сун Цзюяо, если бы она столкнулась с чем-то подобным, она, возможно, разнесла бы весь туалетный столик с дорогой косметикой. Но теперь, когда Сун Цзюяо вернулась, она должна быть еще послушнее, чем раньше, и не смеет проявлять капризы.

Она прекрасно знала: в ее жилах не течет кровь семьи Сун. Стоит оступиться хотя бы раз, и она из дочери богатого семейства превратится в нищую простолюдинку.

Сун Хэи никак не ожидала... что Сун Цзюяо окажется куда более опасным противником, чем она себе представляла.

Исследовательский институт Гуаньюэ...

Тот, кто смог туда попасть, должно быть, получил благословение всех своих предков. Как Сун Цзюяо, даже не закончившая университет, могла туда пробиться?

Это невозможно! У нее нет таких способностей!

Она наверняка воспользовалась какими-то грязными методами, вот и попала туда!

Перед тем как Хань Цян арестовали, она прислала ей сообщение с мольбой о помощи...

Сун Хэи закусила губу, приняв решение. Она поднялась, вышла из комнаты и постучала в дверь Сун Чи по соседству.

Дверь открылась почти сразу. Лицо брата было мрачным и осунувшимся. Сун Хэи поняла: он уже видел новости о Сун Цзюяо.

— Брат... — голос Сун Хэи дрогнул, в нем слышались слезы, создавая образ безвинно пострадавшей девушки. — Мне нужна твоя помощь...

Вечером Сун Цзюяо лежала в постели, наконец подыскав подходящее помещение для своей клиники китайской медицины.

Точнее, это был двухэтажный дом: на первом этаже можно было открыть лавку, а на втором — жить. Место находилось в переулке Байлин, в районе Бэйши. Район был глухой и далекий от центра, но, к счастью, поместье Сэньпань тоже располагалось на отшибе, так что добираться было удобно — на машине минут тридцать. По меркам огромного Бэйши это было очень близко.

Самое главное — дом стоил всего два миллиона. Хозяин продавал его сам, без посредников, так что не нужно было платить комиссию. Сун Цзюяо не раздумывая связалась с ним, они обменялись контактами в WeChat. Аватарка у хозяина была с красивым лотосом. Когда он спросил, когда она сможет посмотреть помещение, она ответила, что завтра после обеда. Она была такой: если за что-то бралась, никогда не откладывала в долгий ящик.

Закончив с делами, Сун Цзюяо отложила телефон и вдруг почувствовала голод. Время близилось к одиннадцати вечера. Поскольку Фу Цзинмо предупредил, что сегодня не вернется, Тетушка Чэнь и служанки уже спали. Она не хотела никого беспокоить и решила сама сходить на кухню перекусить.

Сун Цзюяо на цыпочках вышла из комнаты, включила свет и спустилась вниз. Заглянув в холодильник, она обнаружила там много продуктов. Возможно, из-за жизненного опыта, но готовила она неплохо. Правда, глубокой ночью возиться с изысками не хотелось, поэтому она решила просто сварить лапшу с ветчиной, зеленью и яйцом.

Она достала ингредиенты, поставила кастрюлю с водой на индукционную плиту и, пока ждала, начала резать продукты. В этот момент она услышала какой-то шум. В ночной тишине он был отчетливо слышен, судя по всему, доносился от входа.

Она замерла, затем взяла нож и, ступая осторожно, подошла к дверному проему кухни, выглядывая наружу. В гостиной вспыхнул свет.

Сун Цзюяо: «?»

Она машинально вышла из кухни, направилась в гостиную и увидела там Фу Цзинмо, который уже успел переобуться.

— ... — Сун Цзюяо инстинктивно попыталась спрятать нож за спину, но Фу Цзинмо заметил ее раньше. Его глубокие темные глаза были холодны.

Сун Цзюяо: «...»

Сейчас она выглядела как одинокая женщина, которая, испугавшись проникновения

незнакомца, схватилась за нож, готовая пустить его в ход.

Очень неловко.

Мозг лихорадочно заработал, пытаясь придумать, что сказать, чтобы спасти ситуацию. Она кашлянула и, вспомнив правила приличия, произнесла безэмоционально:

— Доброй ночи. Я немного проголодалась, собираюсь сварить лапшу. Не хотите присоединиться?

«Скажи нет, скажи, что идешь отдыхать!» — мысленно умоляла она.

Фу Цзинмо опустил взгляд и направился к ней. Он перевел взгляд с ножа, который она держала, на ее лицо. Сун Цзюяо была в легкой шифоновой пижаме. Ночи на севере уже стали холодными, а она даже не накинула ничего сверху. Молодежь, что с них взять — холода не боятся.

— Фу Цзинмо? — тихо позвала она, видя, что он молчит. — Будете ужинать вместе?

— Хочешь меня отравить? — лениво и небрежно бросил он.

У Сун Цзюяо чуть зубы не скрипнули.

— У вас отличное чувство юмора. Тогда спокойной ночи, ложитесь спать пораньше.

Сказав это, она с невозмутимым видом вернулась на кухню. Она решила, что теперь будет вести себя как холодная и неприступная женщина. Больше никаких бесстыдных преследований Фу Цзинмо, как раньше.

Она положила ветчину на разделочную доску и начала медленно резать. Нарезка была идеальной — ломтики не слишком тонкие и не слишком толстые. Затем она помыла зелень. Вода в кастрюле закипела, она закинула лапшу.

В этот момент Фу Цзинмо, словно призрак, возник у нее за спиной. Сун Цзюяо почувствовала холод и, обернувшись, встретила с его узкими глазами.

— Что-то случилось? — растерянно спросила она.

— Вари побольше, — ответил Фу Цзинмо. — Попробую, насколько это несъедобно.

Это значит, он будет есть с ней?

— ...Хорошо, — нехотя ответила она, добавив в кастрюлю еще порцию лапши и достав из холодильника яйцо.

Когда вода снова закипела, она разбила яйца в лапшу, добавила ветчину и зелень. Затем плеснула немного масла и быстро смешала соус. В процессе она вспомнила, что Фу Цзинмо любит острое, и оглянулась на него. Он внимательно наблюдал за ней.

Его пронзительный и холодный взгляд заставил ее усомниться: он что, правда думает, что она его отравит? Сун Цзюяо скривила губы:

— Уже поздно, острое вредно для желудка, так что я не буду добавлять перец, хорошо?

Фу Цзинмо замер. Помолчав, он глухо отозвался:

— М-м.

Она закончила готовить соус и вылила его в кастрюлю. Аромат кунжутного масла мгновенно заполнил кухню. Фу Цзинмо смотрел на занятую делом спину Сун Цзюяо. Его взгляд, пусть и оставался холодным, смягчился, в нем промелькнуло нечто, чего он сам не осознавал — нежность. Он редко видел подобную теплоту, и эта сцена вызвала в его душе легкую рябь.

Лапша была готова. Сун Цзюяо разложила ее по двум тарелкам и посыпала зеленым луком. Выглядело аппетитно и пахло великолепно!

— Неси сам, — бросила она Фу Цзинмо и потянулась к своей тарелке.

Как только ее пальцы коснулись края, она обожглась, вскрикнула и принялась дуть на них. Не став капризничать, она подождала, пока жар немного спадет, и снова потянулась к тарелке. Но в следующую секунду ее запястье перехватила тонкая, белая, узловатая рука.

— Ты что, с голодного края?

Фу Цзинмо смотрел на ее покрасневшие пальцы. К счастью, волдырей не было. Он отпустил ее руку и холодно заметил:

— Если так любишь обжигаться, почему не засунула руки прямо в кипяток?

Ну и язык у него — острый, как бритва. Сун Цзюяо промолчала. Когда-то в Учэне ей действительно приходилось опускать руки в кипяток, и кожа слезала пластами. Поэтому нынешний ожог казался ей сущим пустяком.

— Да не так уж и горячо...

Не успела она договорить, как Фу Цзинмо сам подхватил обе тарелки и вышел из кухни.

Сун Цзюяо: «?»

Совесть проснулась? Она тут же схватила палочки и последовала за ним.

Они сели друг напротив друга. Сун Цзюяо протянула ему палочки и вежливо спросила:

— Руки не обожгли?

Фу Цзинмо взял палочки и равнодушно ответил:

— Я мужчина.

— И что, мужчинам не больно?

— ...Заткнись.

Сун Цзюяо показала жест «окей» и уткнулась в лапшу. Обжигающая, ароматная, вкусная — она была просто бесподобна! Она довольно улыбнулась и даже невольно покачалась на стуле. Фу Цзинмо, чьи манеры были сдержанными и аристократичными, наблюдал за ней.

— Попробуйте, — предложила она.

Он молча взял палочку, осторожно попробовал лапшу. На удивление вкусно.

— Ну как? — с надеждой спросила она.

Он сглотнул.

— Сойдет.

Раз не сказал, что невкусно — уже хорошо. Сун Цзюяо не стала спорить и продолжила трапезу. В теплом свете ламп эта сцена выглядела уютно и спокойно. Фу Цзинмо сжал палочки, глядя, как с аппетитом ест Сун Цзюяо, и вдруг спросил:

— Ты... разбираешься в научных исследованиях?

Сун Цзюяо замерла. Она догадывалась, что он читал новости, но не ожидала такого вопроса. Она сделала глоток бульона и ответила:

— Немного.

«Немного»? Какая скромность. После возвращения Фу Чэньнянь задействовал все свои связи, чтобы попасть в институт Гуаньюэ, но так и не смог. Не то чтобы институт был чем-то сверхъестественным, но членство в нем престижно и полезно для карьеры.

Сун Цзюяо быстро доела свою порцию, посмотрела на недоеденную тарелку Фу Цзинмо, поднялась и погладила себя по животу:

— Ешьте спокойно, я пойду спать.

Фу Цзинмо: «?»

Сун Цзюяо сегодня была какой-то другой. Он не мог сказать, что именно изменилось, но она стала гораздо холоднее. Впрочем, это было даже к лучшему — по крайней мере, она не приставала к нему с глупостями.

Опустив голову, он продолжил есть. Но в душе его рябь становилась все сильнее.

На следующий день после обеда Сун Цзюяо собралась было отправиться в переулок Байлин, но у ворот поместья ее ждал незванный гость. Неподалеку был припаркован «Майбах». Из машины вышли Сун Чи и Сун Хэи. Сун Чи галантно поддерживал сестру, словно она была трехлетним ребенком.

Сун Цзюяо моргнула. Что им здесь понадобилось?

Сун Цзюяо собиралась обойти их, но Сун Хэи, заметив ее, подбежала и преградила путь.

— Сестра.

Сун Хэи смотрела на нее со слезами на глазах, вид у нее был до крайности жалкий и трогательный. Любой другой дрогнул бы, но у Сун Цзюяо это вызвало лишь раздражение.

— Тебе чего?

Сун Чи подошел следом, прикрывая сестру, словно боясь, что дикарка Сун Цзюяо причинит ей вред. Сун Цзюяо почувствовала лишь отвращение.

— Можете потешиться своей братско-сестринской любовью в другом месте? Меня сейчас стошнит, — отрезала она.

На лице Сун Чи промелькнул гнев:

— Сун Цзюяо, ты не могла бы вести себя приличнее? Как-никак, я твой брат, а она — твоя сестра!

Сун Цзюяо едва сдержала истерический смех. Она решила подыграть и, подражая манере Сун Хэи, жеманно проговорила:

— Ой-ой-ой, это я такая непослушная, такая невоспитанная, расстроила брата и сестру. Простите, правда, простите! Я сейчас же уйду, не буду мозолить вам глаза, ой-ой-ой.

Плакать она не умела, поэтому ограничилась «ой-ой-ой».

Сун Хэи: «...» Что она ломается?!

Сун Чи почувствовал себя неловко, но смягчился:

— Мы не виним тебя. И пришли не ссориться, а просить о помощи...

Сун Хэи осторожно вышла из-за спины брата, принимая невинный вид:

— Сестра, я прошу тебя,пусти мою подругу... Хань Цян просто заступилась за меня, поэтому и оклеветала тебя в сети. Но она уже осознала свою ошибку... Может, не будешь больше на нее злиться?

Значит, вот оно что. Сун Цзюяо тут же вернулась к своему обычному тону.

— Сун Хэи, тебя что, осел по голове ударил, раз ты несешь такую чушь? Нет способностей — сиди тихо, зачем лаять у моего порога? Хочешь, чтобы я кинула тебе кость, чтобы ты заткнулась?

Сун Хэи снова была на грани слез:

— Сестра... почему ты говоришь так грубо? Я знаю, ты много страдала, но я ведь ничего плохого тебе не сделала... Хань Цян еще совсем молода, если она сядет в тюрьму, ее жизнь

будет разрушена. У тебя нет сердца? Слухи ведь уже опровергли, зачем ты продолжаешь давить? Или... может, подруга была права, и ты действительно крутишь романы с теми людьми, чтобы попасть в институт?

Сун Цзюяо усмехнулась. Вот в чем была конечная цель! Неудивительно, что она притащила с собой Сун Чи — хотела при нем опорочить ее. Сун Чи теперь генеральный директор корпорации Сун. Если он возненавидит ее, она никогда не войдет в дом семьи Сун, и Сун Хэи может спать спокойно.

Какая примитивная игра. Для Сун Цзюяо это выглядело как детские забавы. Она с ленивой улыбкой посмотрела на Сун Хэи:

— Ты такая забавная. Не боишься, что я запишу твои слова, передам в институт Гуаньюэ и тебя обвинят в клевете? Засядешь в тюрьме вместе со своей подругой.

Лицо Сун Хэи побледнело. Сун Чи не выдержал:

— Довольно...

— И ты, — перебила его Сун Цзюяо, — господин Сун. Для генерального директора корпорации Сун у тебя слишком много свободного времени, раз ты вмешиваешься в разборки маленьких девочек. Спрошу прямо: компания на грани банкротства?

Ее слова были ядовитыми и острыми, и возразить было нечего. Сун Чи смог выдавить лишь:

— Почему ты не можешь говорить нормально? Мы же пришли договориться.

— Договориться? О чем? О том, чтобы освободить клеветников? — Сун Цзюяо скрестила руки на груди. — Господин Сун, вы вообще учились? Знаете законы? Знаете, как уважать женщину? Мне повезло, что меня оправдали. А если бы другая девушка столкнулась с подобной ложью и не смогла защититься? Злые слова — это невидимый меч. Ты все еще считаешь, что подруга твоей сестры не заслуживает наказания по закону?

Если каждый будет безнаказанно травить других, мир превратится в хаос! Если она отпустит Хань Цян, она станет соучастницей преступления.

Сун Чи потерял дар речи. Он был шокирован словами Сун Цзюяо. Трудно было представить, что это говорит она.